

мерены работать по своей специальности (88%), хотя отношение к профессии, а также к учебной деятельности достаточно дифференцировано.

У студентов сложилось двойственное отношение к профессиональной деятельности. С одной стороны, в их понимании фактором, определяющим успешность профессиональной деятельности, является финансовое положение, с другой стороны, это – высшее образование, карьерный рост, интерес к профессии, ее необходимость обществу.

В заключение можно сказать, что, во-первых, у студентов наличествует узкий спектр представлений о своем профессиональном будущем и о профессии, который ограничивается стандартными (обыденными) представлениями. Во-вторых, основываясь на результатах проведенного выше анализа мотивов обучения студентов-психологов, можно сформулировать некоторое исходное положение, суть которого в том, что процесс профессиональной подготовки – это динамика намерений, которая направлена в сторону создания интенциональных связей между обучающимся и образом будущей профессиональной деятельности.

Постоянная связь намерений с будущим обеспечивает внутренней мотивационной силой весь процесс обучения.

Таким образом, профессиональные намерения будущих специалистов-психологов носят двойственный характер: с одной стороны, они обусловлены социально-экономическими причинами, с другой – индивидуальны, так как отражают опыт конкретного субъекта, являются важнейшим компонентом его мировоззрения, следовательно выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях профессиональной деятельности.

Примечания

¹ См.: Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие / Л.Б. Шнейдер. М.; Воронеж, 2004.

² См.: Ростунов А.Т. Формирование профессиональной пригодности / А.Т. Ростунов. М., 1984.

³ См.: Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности / В.И. Ковалев; отв. ред. А. Абдалев; АН СССР, Ин-т психологии. М., 1988.

⁴ См.: Харьков В.Н. Педагогическая импровизация / В.Н. Харьков // Советская педагогика. 1989. №9. С.54–60.

УДК 159.9.072.42

ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ в 1990 – 2000 годы

В.В. Шарапов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
E-mail: sharapov61@mail.ru

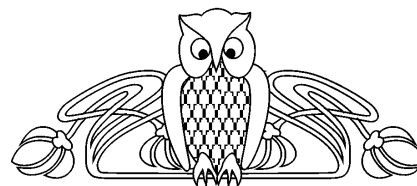
Статья посвящена научно-практическому исследованию проблемы генезиса этнической идентификации шести наций одного из самых полиэтничных регионов страны – Среднего Поволжья. Данный процесс рассматривается автором как составная часть социальной идентичности. В публикации делается вывод о наличии у населения Поволжья чётко обозначенной тенденции к взаимопереходу ментальности и этничности, что в значительной степени определяет поступательное развитие российского общества.

Ключевые слова: этническая идентификация, этническое самосознание, социальная и позитивная идентичность, этнические образования, ментальность.

The Genesis of Ethnic Identification of Population Middle Volga in the 1990 – 2000 Years

V.V. Sharapov

In the given article the problem of formation of ethnic consciousness of the population of one of most polyethnic country regions – the Volga Region is investigated; from the objective scientific point of view; aspects of ethnic identification of six nations of the Volga Region as

the component of social identity are considered. The point is to dwell on the undoubt urgency of the given processes influencing the process of democratisation of the Russian society.

Key words: ethnic consciousness, ethnic formations, ethnic identification, social and positive identity, mentality.

Радикальные социально-экономические изменения, произошедшие в последние десятилетия в различных сферах (политике, экономике, культуре, межэтнических отношениях) развития российского общества, привели к социальной нестабильности. На рубеже XX–XXI вв. в Российской Федерации, как и во многих полиэтничных странах мира наряду с процессами интеграции, интернационализации культур и унификации образа жизни наблюдается стабильный рост этнического самосознания. Процесс этнического возрождения, определяющий ценность этно-

культурного многообразия, – безусловно, положительная тенденция в формировании общественного сознания. Однако необходимо отметить, что на основе позитивного роста этничности может происходить бурный всплеск этноцентризма, этнической нетерпимости, межнациональной конфронтации. Являясь наиболее восприимчивой к политическим и социальным изменениям субстанцией, этническое самосознание нуждается в научно обоснованной разработке технологий, способствующих его совершенствованию, а следовательно стабилизации межнациональных отношений и оптимизации межкультурных взаимодействий, поддержанию монолитности государства, порой выводу личности из кризисного маргинального положения.

В период социально-политического возрождения России и повсеместной демократизации всех сфер жизни российского общества социальная стабильность является тем важным фактором, который непосредственно определяет успех проводимых реформ. Этнический аспект данной проблемы особенно актуален в Среднем Поволжье – регионе с богатой историей взаимоотношений между многочисленными населяющими его этническими образованиями. Этап становления и совершенствования правового государства характеризуется наличием достаточно четко обозначенных общественных тенденций, аккумулирующих в себе становление и развитие национальных культурных центров, движение за этнокультурное возрождение народов Поволжья и других этносов. В этой связи любые предпринимаемые здесь политические шаги, затрагивающие межэтнические отношения, должны быть более чем обоснованными и корректными. Осуществлению на практике данного основополагающего условия должно способствовать глубокое понимание ответственными лицами социальных процессов в этнической сфере, невозможное без проведения всесторонних этнопсихологических исследований.

Изучение проблемы этнической идентификации, входящей в структуру национального самосознания, является частью более широкой исследовательской работы, которая связана с изучением социальной идентичности. Этот термин, имеющий междисциплинарные корни, как социально-психоло-

гические, так и социологические, отражает представление о стремлении индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом. Оно обостряется при определенных обстоятельствах в исторический период, когда разрушается традиционный уклад, при котором «потребность самоопределения в системе социальных связей не актуализирована»¹. Групповой социальный статус задан в этом укладе жесткими критериями принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями².

Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет условия жизни людей, формирует потребность в самоопределении относительно разнообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Под солидарностями здесь понимаются те или иные социально конструируемые общности, с которыми индивид так или иначе себя соотносит. Ответ на вопрос, какие группы или общности человек признает своими, а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений.

Генезис идентификации приводит к смещению представлений о группах, с которыми каждый конкретный человек себя соотносит. В том типе общества (его иногда называют постмодернистским), которое сейчас находится в центре внимания психологов, независимо от национальной принадлежности человек включается в систему все более глобальных отношений, выходящих за рамки местной локальности и данного временного промежутка.

Изменения, которые происходят в наши дни в России, по мнению В.А. Ядова, напоминают по своему характеру «...культурно-исторический переход от застойного, “традиционного” общества к современному, то есть динамичному. Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа (“мы – это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся”) к групповым солидарностям “постмодернистского” типа, где практически все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого-либо вектора, называемого социальным прогрессом»³.

Одним из стержневых элементов системы идентичностей «советского» типа было представление о «народов семье единой», о преодолении национальных границ в сознании каждого гражданина. «Человек советский» в том виде, в каком он являлся конструктом официальной идеологии, находился вне национальных рамок⁵. Идеи, которые получили распространение в конце 1970-х гг. (о допустимости и даже необходимости утверждения представлений о так называемой «малой родине»), при некоторой их оппозиционности не являлись чем-то радикально противоположным официальной идеологии. Они приглашали лишь к некоей корректировке официальной модели. Вместе с тем, легко обнаруживалось различие между социально одобряемым и декларируемым подходом к межнациональным отношениям как предмету интернациональной солидарности и постепенному уходу от национального во всех областях жизни, с одной стороны, и тем, что имело место в реальной жизни на бытовом уровне, – с другой. В бытовых отношениях и представлениях отмечались и достаточно высокий уровень национальной солидарности внутри отдельных этнических групп, и элементы межнациональной нетерпимости и напряженности.

Становление новой социальной субъективности в России характеризуется противоречивыми процессами в формировании представлений об общности интересов. С одной стороны, велико недоверие к любым указаниям на общность интересов⁵, которое особенно ярко проявляется в отсутствии гражданского общества, с другой стороны, в сознании современников сохраняются представления о себе как части в прошлом советского народа, в настоящем – российского.

В связи с вышесказанным исследование круга проблем, связанных с изучением этнической идентификации в рамках более широкого контекста социальной идентификации населения Поволжья, представляет существенный интерес. В научном изыскании использовался метод сравнительного анализа данных различных этнических групп. В соответствии с подходом, разработанным В.А. Ядовым, в ходе проводимого исследования респондентам задавался следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с

одними мы легко находим общий язык, духовную близость, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать “это мы”?»

Концепция анализа данных предполагала предварительное распределение объектов идентификации по следующим категориям: а) идентификация с сообществами различного масштаба – от первичных до самых крупных: семьей и близкими друзьями, жителями данного города (поселка), людьми той же национальности, всеми людьми на планете; б) возрастная идентификация; в) идентификация по профессиональному, производственно-организационному и материально-имущественному критериям: с людьми той же профессии, товарищами по работе (учебе), с теми, кто имеет такой же достаток; г) гражданская идентичность: ощущение близости с россиянами, гражданами СНГ, общностью «советский народ»; д) политико-идеологические ценностные идентификации: с разделяющими убеждения человека и его взгляды на жизнь; с близкими по политическим позициям; с теми, кто не интересуется политикой; е) идентификации, формируемые на основе поведенческих стратегий: с теми, кто не любит «высовываться», предпочитает жить, «как большинство других»; с теми, кто не ждет «манны небесной», сам делает свою судьбу и жизнь; с теми, кто не утратил веру в будущее. В процессе анализа ответы респондента «часто» или «иногда» интерпретировались как свидетельство позитивной идентичности, а «практически никогда» и «трудно сказать» – с негативной.

Для того чтобы региональные процессы проявились в своем своеобразии, была принята попытка сравнить данные исследования населения Волжского речного бассейна с данными российского опроса⁶. Следует отметить, что, к сожалению, сравнение результатов этнопсихологических исследований в этом случае ограничивается их методическими параметрами. В основе каждого из опросов лежат различные концепции выборки, ее объем, композиция инструментария, где располагается блок вопросов по идентификации. Различается и время опроса. Однако представляется возможным обсудить общие

тенденции как в одном, так в другом случае, оставаясь в границах допустимости при применении статистических процедур.

Итак, идентичности, как предполагалось, были разделены на позитивные и негативные. Ранжирование позитивных идентичностей волжан показывает, что порядок их следования по ведущим показателям не отличается от общероссийского (таблица).

Динамика позитивной идентичности (% опрошенных)

	Среднее Поволжье	Россия	Разница
Семья, близкие друзья	92,9(1)	85,9,(1)	+7,0
Люди того же поколения	81,1 (2)	77,1 (2)	+4,0
Люди, разделяющие те же убеждения и взгляды на жизнь	72,7 (3)	71,6 (4)	+1,1
Товарищи по работе, учебе	70,8 (4)	77,2,(2)	-6,4
Россияне	63,3 (5)	64,9 (6)	-1,5
Люди той же национальности	62,3 (6)	73,6(3)	-10,3
Представители той же профессии	62,2 (6)	71,6 (4)	-9,4
Люди, живущие в том же городе, поселке	61,1 (6)	70,0 (5)	-8,9
Люди того же достатка	52,9 (7)	64,9 (6)	-12,0
Те, кто не утратил веры в будущее	47,1 (8)	61,9 (7)	-14,8
Те, кто не ждет манны небесной	44,6 (9)	60,5 (8)	-15,9
Люди, близкие по политическим взглядам, позициям	40,6 (10)	52,6 (10)	-12,0
Те, кто не любит высываться	38,7 (11)	54,3 (9)	-15,6
Граждане СНГ	35,7 (12)	38,1 (14)	-2,4
Все люди на планете	33,0 (13)	35,5 (15)	-2,5
Советский народ	32,1 (13)	43,8 (13)	-11,7
Те, кто уверен, что главное – везенье	32,0 (13)	46,5 (12)	-14,5
Те, кто не интересуется политикой	31,8 (13)	49,0 (11)	-17,2
Итого (абсолют.)	1750	2000	

Примечание. Цифры в скобках демонстрируют ранжирование позитивных идентичностей волжан и граждан России в целом.

Более двух третей опрошенных респондентов-волжан так же, как и все россияне, в первую очередь идентифицируют себя с группами ближайшего окружения (семья, близкие, сверстники, товарищи по работе). Крупные общности («российский народ», «советский народ», «граждане СНГ» и т.п.) располагаются в конце перечня.

Как нам представляется, последние группы, хотя и являются значимыми элементами социального пространства, формируются, главным образом, под воздействием средств массовой информации, порождают символические идентичности. Различия в рангах практически отсутствуют. Вместе с тем, можно отметить некоторые региональные различия. Так, идентификация с семьей, близкими, друзьями в Поволжье сильнее, а с российским народом значительно слабее, чем в России в целом.

Анализ результатов исследования по следующему блоку параметров, определяемых социальной дифференциацией (профессией, местом жительства, уровнем материального достатка, национальностью), показывает, что сила идентификации по этим индикаторам равномерно различается в сторону уменьшения, по всему списку. Однако они являются довольно сильными, как и идентификации по национальной принадлежности и мировоззрению («те же взгляды на жизнь»). Наиболее заметны различия по ключевым направлениям – этническому (с 73,6 до 62,3%), профессионально-производственному (с 71,6 до 62,2%), достатку (с 52,9 до 64,9%) и месту жительства (с 70 до 61,1%). Данный блок исследования, проведенного в Волжском речном бассейне, как и в российском исследовании, показывает высокую степень интенсивности идентичности: доля позитивных ответов достигает по некоторым позициям 70%.

Другой блок – идентификации по поведенческим стратегиям и политико-идеологическим ориентациям (интенсивность идентичности – до 50%) – можно интерпретировать как совокупность инструментов, помогающих индивиду описывать социальное пространство и свое место, поведение в нем. По сравнению с результатами российского исследования практически по всем солидарностям этого блока количество ответов на 10–15% ниже.

На наш взгляд, в объяснении выявленных различий наибольшее значение имеют в порядке убывания пространственный, социально-профессиональный, территориально-административный факторы и те общенациональные социально-экономические процессы, которыми был отмечен период второй половины 1990-х гг. Кризис, охвативший все

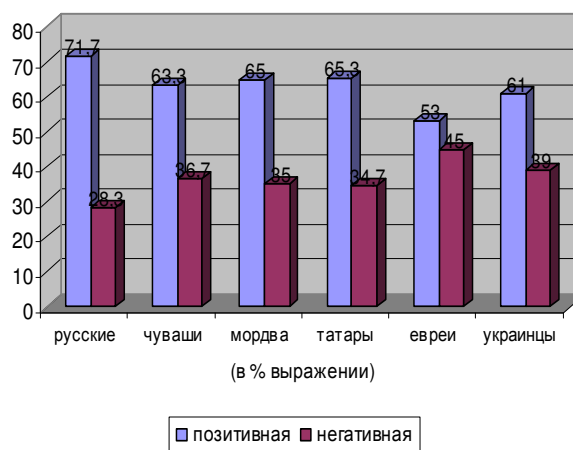
стороны общества, инфляция, рост цен, снижение доходов большей части населения привели к снижению уровня широкого спектра идентификаций. У волжан ослабевает идентификация, имеющая отношение к идеологии, к сходным моделям поведения; зато крепнет связь с ближайшим окружением – семьей, близкими, кругом профессионального общения.

Вместе с тем обращает на себя внимание этнопсихологический аспект обсуждаемой проблемы. Многие из представленных в выборке национальных групп продемонстрировали определенные отличия в силе идентификаций по отношению к различным социальным группам. Например, у русских выше других идентификация с поколением – всего 12,2% отрицательных ответов на вопрос о солидарности с «людьми того же возраста, поколения», при этом самая высокая позитивная идентификация с «товарищами по работе» (83,6%); с «людьми, придерживающимися тех же убеждений» (81,6%); «россиянами» (71,7%), «людьми того же достатка» (60,8%), теми, «...кто не утратил веры в будущее» (58,8%), «...кто не ждет манны небесной» (64,6%), «...кто не интересуется политикой» (40,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (40,0%). У другой национальной группы с выраженной национальной спецификой – чувашей – выявилась наиболее низкая идентификация по ряду признаков. Например, более чем в других этнических группах, получено отрицательных ответов по поводу солидарности с «людьми того же возраста, поколения» (28,3%), «людьми той же профессии» (45,5%). Позитивная идентификация наиболее низка по отношению к «людям, придерживающимся тех же убеждений» (всего 62,2%), «товарищам по работе» (63,6%). Ответы мордвы демонстрируют наиболее низкую идентификацию по отношению к тем, «...кто не любит высовываться» (34,7%), «...кто близок по политическим взглядам» (27,6%), «...кто не интересуется политикой» (23,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (25,8%). Отмечается низкая идентификация по отношению к «людям той же национальности» (49,5% отрицательных ответов). У татар наиболее низка негативная идентификация с «людьми той же национальности» (21,9%), а позитивная – с теми, «кто верит в будущее» (41,7%). Евреи прояв-

ляют самый высокий уровень позитивной идентификации с «придерживающимися тех же политических взглядов» (50,5%), а наиболее низкий – с «товарищами по работе» (61,6%), «теми, кто не ждет манны небесной» (34,7%) У них наиболее высока негативная идентификация с «людьми того же возраста, поколения» (25,3%), «россиянами» (48,1%), «людьми, проживающими в той же местности» (50,5%), «людьми того же достатка» (61,2%).

Итак, национальная идентичность по-разному проявляется в различных этнических группах. Анализ данных показывает, что наиболее высока она среди татар, русских и евреев, а наиболее низка – среди украинцев и мордвы.

Гражданская идентичность (т.е. с россиянами) значимо не различается по большинству национальностей, несколько ниже она у евреев, исследования проводились на рубеже XX–XXI столетий (рисунок).

Показатель негативной и позитивной идентификации различных этнических групп Поволжья по отношению к «россиянам»

Формирование социальных идентичностей в различных этнических группах – предмет отдельного анализа. Для целей исследования необходимо было выяснить, каким образом и под воздействием каких факторов происходит идентификация индивида с людьми той же национальности и есть ли различия в этом процессе для представителей разных этносов. Решить поставленную задачу возможно, используя процедуры факторного анализа, группирующего сложные корреляционные модели. Факторный анализ

позволяет проследить степень связи различных переменных: например, показывает, какие еще идентификации свойственны людям с более сильной или более слабой национальной идентичностью. В этом плане не ставится целью рассмотрение всего комплекса социальных идентификаций населения (это – тема отдельного анализа), поскольку основная проблема данного аспекта исследования – характерные черты самосознания волжан в определенный временной период.

В связи с вышесказанным необходимо отметить определяющее обстоятельство: если не дифференцировать группы по этническому признаку и рассматривать все имеющиеся данные в комплексе, то в фактор идентификации со своей национальностью войдут еще четыре признака: солидарность с семьей, близкими и друзьями; людьми того же возраста, поколения; теми, кто живет в том же городе, поселке; россиянами, т.е. фактор солидарности с различными локальностями. Аналогичные показатели можно отметить и в общероссийском исследовании, проведенном В.А. Ядовым⁷.

В этнических группах сходную между собой структуру фактора (имеются в виду вошедшие в него показатели) имеют такие национальности, как русские, чуваша, мордва и украинцы. У представителей мордвы, впрочем, более четко прослеживается географический аспект за счет сокращения составляющих фактор признаков (в него вошли лишь идентификации с россиянами, жителями того же населенного пункта и представителями той же национальности); у русских фактор расширился за счет солидарностей с ближайшим окружением и людьми сходного мировоззрения; а в украинском массовом сознании представление об идентификации со своей национальностью тесно сплетено с понятиями идеологическими и высокого уровня абстракциями – идентификацией с российским народом, гражданами СНГ и всеми людьми на планете.

В представлении членов татарской общины солидарность с представителями собственной национальности в целом так же актуальна, как и идентификация с теми, кто проживает в той же местности, и с теми, кто близок по политическим взглядам, позициям. С полным основанием можно утверждать,

что для татарского этноса вопрос национальной идентификации имеет не только и не столько бытовой, сколько политический оттенок.

Массовое сознание евреев характеризуется слабой связью с россиянами, с национальной идентичностью, в гораздо большей степени прослеживается идентификация со своими близкими, семьей и людьми того же возраста, поколения.

Итак, на основании полученных результатов исследования данного аспекта можно констатировать, что в сложившейся этнопсихологической ситуации наиболее значимы идентификации индивида с его ближайшим окружением – семьей, близкими, друзьями. Солидарности по идеологическому, имущественному, поведенческому признакам выражены слабее.

Этническая идентификация в Поволжье в целом занимает не третье место, как это можно констатировать на основании результатов общероссийских исследований, а шестое. Данный феномен объясняется тем, что в результате многовекового межэтнического и межкультурного взаимодействия волжан представления об этнической идентичности имеют тенденцию к распаду, все менее и менее актуализируются, уступая место наднациональным, личностным идентичностям, т.е. ментальности. Однако необходимо отметить, что вышеобозначенные процессы проявляются неравномерно в различных национальных группах и регионах Волжского речного бассейна. Наиболее интенсивен и последователен взаимопереход этничности и ментальности у населения г. Самары и Самарской области – одного из самых урбанизированных регионов, социально и экономически развитого, высококультурного, а следовательно, этнически толерантного в Поволжье. В наименьшей степени данная тенденция прослеживается в Республике Татарстан.

Идентификации представителей разных этносов Поволжья также имеют свою специфику, которая наиболее ярко выражена у русских и татар. Для первых характерно сочетание этнической идентичности с солидарностью со своим ближайшим окружением и близкими по мировоззрению людьми. Особенность самосознания татар заключается в

том, что у них отчетливо представлен политический аспект идентификации. В то же время, анализируя характерные черты самосознания населения Волжского речного бассейна, необходимо отметить, что обнаружено большое сходство у русских, украинцев, чувашей и мордвы. Этническая идентификация последних связана с представлениями о российском государстве, территориальной принадлежности и близком окружении. Можно предположить, что украинцы, мордва и чуваша, проживающие в Поволжье, – это национальные группы, образ мышления которых подвергается наибольшему влиянию со стороны локальной «практической» культуры. У евреев, в отличие от других этносов, в этнической идентификации нет ничего территориального, связанного с данной локальностью. Национальные чувства у них носят наиболее интимный характер, коррелирующий с солидарностью со своей семьей, друзьями, а также с людьми того же возраста и поколения.

Таким образом, подытоживая результаты данного научного наблюдения, можно с полным основанием отметить наличие в са-

мосознании волжан конца 1990 – начала 2000-х гг. четко обозначенной тенденции к взаимопереходу ментальности и этничности, что в исследуемом регионе имеет более высокие темпы, чем в целом по стране. Данный факт, бесспорно, является важнейшим критерием поступательного развития межэтнических и межкультурных взаимоотношений не только этносов Поволжья, но и страны в целом, завершающим этапом которого станет формирование у населения «гражданской» российской идентичности и дальнейшее совершенствование демократических основ общества.

Примечания

¹ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социол. журн. 1994. №1. С.48.

² См.: Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. М., 1984.

³ Ядов В.А. Указ. соч. С.41.

⁴ См.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под. ред. Ю.А. Левады. М., 1993.

⁵ См.: Ядов В.А. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ Там же.